

«Желаю вам веселья! Ничего важнее нет на свете», — это пожелание, как и корзинка альпийских фиалок, входила в обычный предновогодний набор друзей Бабеля. Классик устраивал елку в кругу близких. Не всегда — в Одессе. Но всегда — с памятью о ней. Так же, как другие литераторы, причастные Одессе. Мы собрали их новогодние наблюдения и поздравления для вас.

Михаил Жванецкий

Я ЛЮБЛЮ НОВЫЙ ГОД

Я люблю Новый год. Люблю, потому что зима. Всё бело. Падает снег. Всё под снегом. И в новом районе, где я живу, открываются новые пути. Каждый идёт не по асфальту, а как удобнее.

В новом году хочется самого разнообразного. В новом году хочется меньше ссор друг с другом. Просто надо уяснить, что никто не виноват. У вас от него течет крыша, а у него от вас не гнется рукав и вылезает сделанная вами зубная щетка, поэтому речь неразборчива, вся щетина в зубах торчит. И подай ты ему борща повеселей — ему же тебя завтра брить опасной бритвой. Не раздражай ты его, уж так и быть.

Больше юмору в новом году. Еще больше мыслей вам, инженеры и писатели. Хорошей мимики вам, актеры и автоинспекторы. Крепких ног вам, танцоры и продавцы. Тонкого чувства меры вам, драматурги и повара.

Мне, конечно, хочется видеть в новом году и счастливые лица, и полные магазины

по ту сторону продавца, и полные театры по эту сторону артиста. И много хороших глаз со всех сторон. А время летит быстро, когда делаешь что-то интересное, и оно страшно тянется, когда ждешь звонка об окончании дня.

Нехорошие все-таки люди придумали календарь и завели часы. И все это мелькает, и тикает, и блямкает, и трещит, и звенит. И ходит нормальный, хороший, веселый человек и не подозревает, что ему шестьдесят, и не говорите вы ему...

Это астрономы поделили жизнь на годы. А она идет от книги к книге, от произведения к произведению, от работы к работе, и если уж оглянуться, то увидеть сзади не просто кучу лет, а гору дел вполне приличных, о которых не стыдно рассказать друзьям или внукам где-нибудь в саду, когда-нибудь летом за каким-нибудь хорошим столом.

Счастливого вам Нового года!

1976.

Сцена представляет ад перед новогоднее-рождественскими праздниками. Всюду надписи огненными буквами: «Большой выбор чертей», «Ведьмы оптом и в розницу», «Отделение младенцев». Черты бегают, высуня язык. Вельзевул сидит за вырубкой. Покупатели — господа литераторы, длинноволосые, плешивые, старые, молодые, почти младенцы. Все это шумит и торгуется. Входит господин довольно испанистого вида.

Господин. Сорок чертей и одна ведьма.

Черт (услужливо). Вместе прикажете завернуть?

Господин. Вместе! Там потом уж разберу, кого куда. Привидений нет?

Черт. Привидений, извините, нету-с. Был заготовлен большой ассортимент привидений. Но все разобрали-с. Не угодно ли, вместо привидений, скелет будет взят? Хороший скелет есть, в стене замурованный.

Господин. Нет, это ныне не в моде — скелеты в стене. Устарело!

Черт. Так точно-с, дамский товар. Дамы больше скелеты берут. Собаку не прикажете ли хорошую? Отличные собаки есть, с пружинкой. Воеет на улице. Ее пускают в дом, а она потом хозяйку жизнь спасает. Публика очинно таких признательных собак одобряет!

Господин. Хорошо! Заверните хоть собаку. А младенец у вас есть?

Черт. Помилуйте, как младенцам

Влас Дорошевич

не быть! Вам каких младенцев: простых или с фокусом? Усовершенствованный младенец есть: его подбирают, а он потом вырастает и земским доктором делается, целый уезд от скарлатины спасает. Публика таких младенцев не меньше, чем признательных собак, одобряет.

Господин. Хорошо, положите с подюжины младенцев с фокусом.

Входит господин вида мрачного, по-видимому куда-то торопится.

Испанистый господин. А, г. многописатель! И вы здесь?

Мрачный господин. Да, пришел к праздникам живности взять: младенцев, чертей. Нельзя без них, для святочных рассказов требуется. Эй, кто там будет отпускать? Нельзя ли пожилой поворачиваться! Мне некогда: я шесть романов писать должен.

Черт. Чем я могу служить?

Мрачный. Чертей восемьсот штук. Да повеселей чтоб были черти! Ведьм положите с полсотни. Блудных сыновей, как я говорил, приготовили?

Черт. Это которые в рождественскую ночь под родительский кров возвращаются? Отложены.

Мрачный. А хороши?

Черт. Не извольте беспокоиться!

СОЛНЕЧНОЕ СЕРДЦЕ

Андрей Любов — писатель, драматург, скульптор. Его арт-объект «Солнечное сердце» стал одной из новых достопримечательностей Одессы.

— Андрей, с чего началась ваша дружба с творчеством?

В детстве я нашел родительскую книгу с произведениями Ренессанса. Впечатлила картина Рубенса «Похищение дочерей Левкиппа». Позднее заинтересовали философские труды Платона. По его мнению, художники и скульпторы не являлись деятелями искусства, потому что занимались копированием образов. К искусству он относил политику, и на этой почве спорил с Сократом. Сократ полагал, что задачей искусства является подражание первообразу. Любопытно, что мир пошел по второму пути.

Мне неинтересно делать идеальные копии. Для меня искусство — это то, что заставляет думать и выводит из обычного представления о мире.

— Что вдохновило на создание скульптуры «Солнечное сердце»? Когда состоялась установка?

В 2016 году участвовал в конкурсе Всемирного клуба одесситов «Какой станет Одесса через 49 лет». Написал рассказ «Чертова дюжина Большого Фонтана», где была описана инсталляция «Солнечное сердце». Процесс создания начался при поддержке друзей. Было сотрудничество со скульптором Михаилом Ревой, он осуществил техническое обеспечение для арт-объекта. Работа длилась 5-6 месяцев.

В 2017 году состоялась установка «Солнечного сердца» на 13-й станции Большого фонтана, на траверсе № 11. Арт-объект посвящен любви. Теперь влюбленные и молодожены приходят на пирс, сфотографироваться и почувствовать энергию моря. Горизонт, небо, море и пляж — лучшая галерея, где ощущается свобода.

А в капсулу времени под объектом положили первое издание книги «Алоха», с рассказом о скульптуре.

— «Солнечное сердце» подружилось вас со Всемирным клубом одесситов?

Познакомил. В апреле 2018 года мы пригласили Елену Павлову, директора по развитию ВКО, на открытие арт-объекта «Ключ признания». В честь презентации скульптуры коллективы театра «Алоха» и театра Перуцкого создали перформанс, который понравился всем гостям. После этого мы уже начали общаться чаще.

— В 2018 году вы выпустили театрально-скульптурный сборник «Алоха». Чем книга будет полезна одесситам?

В книге, кроме эссе, стихотворений и пьес, есть истории создания современных одесских скульптур. Это «Ключ признания» на ул. Ильфа и Петрова (по роману «12 стульев»), «Дом солнца» на пляже Ланжерон и «Основы риторики» — в Одесском музее современного искусства.

— Несколько слов о будущих проектах?

Сейчас ведётся работа над восприятием городского пространства. На нашем сайте Паблик арт (<http://publicart.com.ua/>), мы готовим анализ тематических скульптур в городе. При появлении новых публичных арт-объектов всегда происходят положительные улучшения в среде. Люди начинают бережнее относиться к себе, соседям и своему городу.

Беседовала Дарья Островская

В АДУ

Народ испытанный. Они каждый год к Рождеству под родительский кров приходят — после святок опять из дому бегут.

Мрачный. Кажется, все? (Вынимает записочку.) Двадцать два святочных рассказа для Петербурга, четыреста двадцать семь в провинцию. Думаю, провизии хватит?

Входит дама.

Дама. Дайте мне Наполеона.

Черт. Наполеона, извольте, нету-с. Сами понимаете: Наполеон один, а беллетристов много. Наполеон занят-с.

Дама. Ну ничего! Дайте мне в таком случае небольшого щенка. У меня хороший сюжет был — как Наполеон в Корсике в рождественскую ночь чуть-чуть не замерз. Ну да я Наполеона на щенка переделаю. Скелеты у вас есть?

Я, надо вам сказать, пока покойник муж был жив, ничего не делала — только дети каждый год родились. А как осталась вдовой без всяких средств — ну и пришлось литературой заняться!

Черт (с соболезнованием). Это со многими писательницами случается.

Дама. Вы не поверите, сколько с этими детьми литературных хлопот.

То за Вавочку в гимназию платить — роман пиши. То у Кокочки коклюш — рассказ пишешь. То Нюнечка панталончики порвет — новеллу по этому случаю писать надо. Ужас!

Подходит мальчик с шоколадом в руках

Мальчик. Г-н солт! Позвольте мне падсую сенсину для рассказа, чтоб она возлодалась!

Дама (с умилением). И ты пишешь, малютка?

Мальчик. Писую.

Дама. А который тебе год, крошка?

Мальчик. Сестстой!

Покупатели все приходят, приходят, приходят.

Вельзевул (потирая руки). Эко их сколько расплодилось, писателей-го! Это новая казнь, которую я выдумал для мира!

(Злорадно ударяет ладонью по связке, на которых написано: «Новые журналы и газеты»)

«Одесский листок»,
декабрь 1899

Тэффи

ВАЛЯ

Мне шел двадцать первый год. Ей, моей дочери, четвертый. Мы не вполне сходились характерами. Я была в то время какая-то испуганная, неровная, либо плакала, либо смеялась. Она, Валя, очень уравновешенная, спокойная и с утра до вечера занималась коммерцией — выторговывала у меня шоколадки. Утром она не желала вставать, пока ей не дадут шоколадку. Не желала идти гулять, не желала возвращаться с прогулки, не желала завтракать, обедать, пить молоко, идти в ванну, вылезать из ванны, спать, причисываться, — за все полагалась плата — шоколадки. Без шоколадки прекращалась всякая жизнь и деятельность, а затем следовал огушительный систематический рев. И тогда я чувствовала себя извергом и детоубийцей и уступала. Она презирала меня за мою бестолочь — это так чувствовалось, но обращалась со мною не очень плохо. Иногда даже ласкала мягкой, теплой, всегда липкой от конфет рукой.

— Ты моя миленькая, — говорила она, — у тебя, как у слоника, носик.

В словах этих, конечно, ничего не было лестного, но я знала, что красоту своего резинового слоненка она ставила выше Венеры Милосской. У каждого свои идеалы. И я радовалась, только старалась при посторонних не вызывать ее на нежность.

Кроме конфет, она мало чем интересовалась. Раз только, пририсовывая усы старым теткам в альбоме, спросила вскользь:

— А где сейчас Иисус Христос?

И, не дожидаясь ответа, стала просить шоколадку.

Насчет приличий была строга и требовала, чтобы все с ней первой здоровались. Раз пришла ко мне очень взволнованная и возмущенная:

— Кухаркина Мотышка вышла на балкон в одной юбке, а там гуси ходят.

Да, она была строга.

Рождество в тот год подходило грустное и заботное. Я кое-как смеялась, потому что очень хотела жить на Божьем свете, и еще больше плакала, потому что жить-то и не удавалось.

Валя со слоненком толковала целые дни про елку. Надо было, значит, непременно елку схлопотать.

Выписала, по секрету, от Мюра и Мерелиза картонажи. Разбирала ночью.

Картонажи оказались прямо чудесные: попугаи в золотых клеточках, домики, фонарики, но лучше всего был маленький ангел, с радужными слюдяными крылышками, весь в золотых блестках. Он висел на резинке, крылышки шевелились. Из чего он был, — не понять. Вроде воска. Щечки румяные и в руках роза. Я такого чуда никогда не видала.

И сразу подумалось — лучше его на елку не вешать. Валя все равно не поймет всей его прелести, а только ломает. Оставляю его себе. Так и решила.

А утром Валя чихнула, — значит, насморк. Я испугалась.

— Это ничего, что она на вид такая толстуха, она, может быть, хрупкая. А я не забочусь о ней. Я плохая мать. Вот ангела припрятала. Что лучше-то, значит, себе. «Она не поймет!».. Оттого и не поймет, что я не развиваю в ней любви к прекрасному.

Под сочельник, ночью, убирая елку, достала и ангела. Долго рассматривала. Ну, до чего бы мил! В коротенькой, толстой ручке — роза. Сам веселый, румяный и вместе нежный. Такого бы ангела спрятать в коробочку, а в дурные дни, когда почтальон приносит злые письма и лампы горят тускло, и ветер стучит железом на крыше, — вот тогда только позволить себе вынуть его и тихонько подержать за резиночку, и полюбоваться, как сверкают золотые блестки и переливаются слюдяные крылышки. Может быть, бедно все это и жалко, но ведь лучше-то ничего нет...

Я повесила ангела высоко. Он был самый красивый из всех вещиц, значит, и надо его на почетное место. Но была еще одна мысль тайная, подлая: высоко, не так заметно для людей «маленького роста».

Вечером елку зажгли. Пригласили кухаркину Мотышку и прачкиного Лешеньку. Валя вела себя так мило и ласково, что черствое сердце мое оттаяло. Я подняла ее на руки и сама показала ей ангела.

— Ангел? — деловито спросила она. — Давай его мне.

Я дала.

Она долго рассматривала его, гладила пальцем крылышки.

Я видела, что он ей нравился, и почувствовала, что горжусь своей дочерью. Вот ведь на идиотского паяца не обратила никакого внимания, а уж на что яркий!

Валя вдруг, быстро нагнув голову, поцеловала ангела... Милая!..

Тут как раз явилась соседка Нюшенька с граммофоном и начались танцы.

Надо бы все-таки ангела пока что спрятать, а то сломают они его... Где же Валя?

Валя стояла в углу за книжным шкафом. Рот и обе щеки ее были вымазаны во что-то ярко-малиновое и вид ее был смущенный.

— Что это? Валя? Что с тобой? Что у тебя в руке? В руке ее были слюдяные крылышки, сломанные и смятые.

— Он был немножко сладкий.

Нужно скорее вымыть ее, вытереть ей язык. Может быть, краска ядовитая. Вот о чем надо думать. Это главное. Кажется, слава Богу, все обойдется благополучно. Но отчего же я плачу, выбрасывая в камин сломанные слюдяные крылышки? Ну, не глупо ли? Плачу!..

Валя снисходительно гладит меня по щеке своей мягкой рукой, теплой и липкой, и утешает:

— Не плачь, глупенькая. Я тебе денег куплю.

1914

Семен Кирсанов

Ночь под новый век
Добрый вечер!
Добрый век!
Время — снова стихами чудесить,
распахнуть молодые года!
Заходите сюда
ровно в десять.
Собираемся точно, — сегодня,
здесь,
у елки моей новогодней.
Тридцать первое декабря —
бал Земли и Зимы,
вечер в играх и вихрях.
Ветки — зеленый дикообраз
с множеством глаз на иглах.
Этот вечер повсюду и здесь —
снега, смеха
несметная смесь,
это — встреча Нового года,
но особого, нового рода!
Тут
растрещался камин
в искрах искусственных дров.
Живые деревья лет сорок не рубят!
Любят, что просто растут.
Дед
примчался на авиасанках!
Новогоднее наше —
хозяину!
Молодая осанка
у старика.
Дать нельзя ему

и сорока.
Помните старый обычай:
вешать на ель
нити медной фольги,
клочья ватного снега,
конфетные банты,
шары из стекла,
пустые и ломкие комнатки смеха?
Все это есть.
Но выпала елке особая честь:
гости на елку вешают то,
что особенно людям
в году удается.
Ровно 11.
Начинается
новогоднее дальневидение.
Посветлела ночная стена,
стала выпуклой,
будто выпекла
светобуквы и звуки гульки.
И по знаку какому-то
в комнату
вставились другие комнаты.
Понимаете?
Плывут столы
за столами, оттуда видят
этот стол,
из стены высовываются,
чокаются и здороваются
из прозрачной стены,
за ними — еще вырисовываются...

1940

ЗОЛОТЫЕ ОРЕХИ

Валентин Катаев

Попробую заняться воспоминаниями так, как советует Толстой: без порядка, а как придется, как вспомнится, не забывая при этом, что искусство не терпит сознательности. Пускай мною руководят воображение и чувство.

Дорогая внучка, хочешь, я расскажу тебе про одного маленького мальчика с круглым простодушным лицом, узкими глазками, одетого, как девочка, в платьице с широко наглаженными плечеными складками.

...Тогда маленьких мальчиков было принято одевать как девочек. Когда же в первый раз на мальчика надели короткие штанишки, он был очень горд. Потом этот мальчик поступил в гимназию, стал носить длинные суконные брюки, и так далее. Самое удивительное, что этот мальчик был не кто иной, как я сам, твой старый-престарый дедушка с сухими руками, покрытыми коричневыми пятнами, так называемой гречкой...

А теперь попробую продолжить свои воспоминания как придется.

Что-то у нас на елках вывелись золотые

орехи! Золотые орехи блестели на елке как солнышки, радуя сердце.

В детстве мы их сами золотили. Это было не так-то легко.

— Подумаешь, как трудно! — скажешь ты, — взял золотую краску, помазал кисточкой орех — и готово дело!

— Вот у тебя и получится некрасивый орех, не яркий, а мутный, крашенный. У нас же орехи сияли, как церковные купола. И сияли они так потому, что их не красили «золотой краской», а покрывали сусальным золотом, которое продавалось в виде книжечек, состоящих из двадцати тончайших листиков настоящего золота, переложенных папиросной бумагой. Каждый листик сусального золота был так тон, почти невесом, что по сравнению с ним папиросная бумага казалась грубой, толстой.

Для того чтобы вынуть из книжки золотой листок, надо было на него осторожно подуть. Тогда с легким шелестом он приподнимался, и можно было его очень осторожно, двумя пальцами, вынуть из книжечки и подержать на весу.

